

М. В. Добродеева
«К вопросу об истории литературного перевода во Франции»

Когда заходит речь об истории перевода, то, прежде всего, имеется в виду история перевода художественной литературы, и это следует признать закономерным, если принять во внимание его огромную роль в истории литературы и культуры и во взаимопроникновении и взаимодействии культур различных народов.

В истории перевода, от античности до наших дней, существует два типа передачи иноязычного текста, представляющие крайние противоположности по отношению друг к другу: 1) перевод, основанный на стремлении к дословному воспроизведению языка оригинала в ущерб смыслу целого и в ущерб языку, на который этот текст переводится; 2.) перевод, основанный на стремлении отразить дух, смысл подлинника и специфику требования своего языка.

В качестве примера первого типа перевода обычно называют переводы Библии на языки греческий и латинский и на языки некоторых народов средневековой Европы, а также средневековые переводы трудов Аристотеля. Следует оговориться, что буквальность перевода проистекала не столько из теоретически осознанного принципа, сколько из пиетета, «священного трепета», внушаемого библейскими текстами, равно как и лингвистической наивности большинства переводчиков этого периода, непонимания ими всей степени расхождения между языками, из предположения, что один язык можно механически приурочить к другому.

Второй тип перевода чаще применялся к сочинениям светского характера, например, к произведениям греческой словесности, передаваемым на латинском языке.

Эту оппозицию категорий перевода мы обнаруживаем уже у Цицерона. Вот что он пишет о своем переводе речей Эсхина и Демосфена: «Их речи я решил перевести так, чтобы все их достоинства были воспроизведены в переводе, то есть, все их мысли, как по форме, так и по содержанию, слова же лишь постольку, поскольку это позволяют условия нашего языка».

Этот же принцип отражается на практике и в переводе на латинский язык Ветхого завета («Вульгата»), выполненном в IV веке Св. Иеронимом. Последний определял свою задачу как перевод «не от слова к слову, а от значения к значению». (*“non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu”*).

Однако, я не буду останавливаться на анализе различных переводов библейских текстов. Наша задача проследить эволюцию различных принципов перевода во Франции.

Старейшиной французских переводчиков безусловно является Николя Орем (Nicolas Oresmes), воспитатель, а затем духовник будущего короля Карла V, который в 1370 году по приказанию короля перевел «Этику», «Политику» и «Экономику» Аристотеля. Николя Орем сам пишет, с какой целью король поручил ему эту работу.

«*Le roi*, - пишет он в предисловии к «Этике», - *voulut pour le bien commun faire les translater en français afin que il et ses conseillers et aultres les puissent mieulz entendre.*» То есть, целью короля было сделать мудрость

Аристотеля доступной правителям, дабы те стали более справедливыми и умелыми в искусстве правления. Перевод Николя Орема отличается высочайшей точностью и уважением к тексту оригинала, которые могли бы служить образцом для тех, кто будет переводить после него.

Но расцвет переводческого ремесла, а точнее искусства, приходится на XIV век. Литературное движение Ренессанса, породившее стремление к подражанию. Древним грекам и римлянам, не могло не побудить желания переводить их на родной язык. Как по мановению волшебной палочки появляются бесчисленные эллинисты и латинисты, соперничающие друг с другом в желании сделать достоянием читающей публики то, что является предметом их интеллектуальных наслаждений. О том, что представляют собой эти переводы, будет сказано ниже. И в это же время делаются первые попытки теоретического осмысления проблем перевода как во Франции, так и в Германии, где в 1540 году Мартин Лютер публикует свое послание «Об искусстве переводить» («*Von der Kunst des Dolmetschen*»), яростно выступая против дословного перевода на родной язык, как непонятного народу. Во Франции же первое место по праву принадлежит здесь Этьену Доле (1509-1546), гуманисту, писателю, переводчику, издателю, с его трактатом «Об искусстве хорошо переводить с одного языка на другой» («*La manière de bien traduire d'une langue en aultre*», 1540)

История перевода во Франции начинается с трагедии. Этьен Доль был сожжен в Париже на площади Мобер 3 августа 1546 года. Поводом для обвинения в ереси послужила неточность, допущенная им в переводе диалога

Платона «Антиох». Доле сделал одно несущественное добавление *«rien du tout»*. *“Pourquoi elle (la mort) ne peut rien sur toi? Car tu n’es encore prest à décéder ; et quand tu seras décédé, elle n’y pourra rien aussi, attedu que tu ne seras plus rien du tout.* » Безобидное добавление, сделанное Доле, на самом деле искажало смысл высказывания ; ведь оно утверждало абсолютный конец, превращение в ничто и, таким образом, ставило под сомнение положение о бессмертии души. Ни в греческом, ни в латинском тексте такого добавления не было. Так неточность в переводе позволила Инквизиции расправиться с давно негодным ей человеком.

А теперь несколько слов о самом трактате. Вот его основные положения: 1.) Переводчик должен прекрасно понимать смысл и содержание переводимого. 2.) Переводчик должен превосходно владеть как языком оригинала, так и языком перевода. 3.) Недопустимость пословного перевода; невозможность механического воспроизведения синтаксической организации оригинального текста. 4.) При переводе следует воздерживаться от слов, слишком напоминающих латинские и мало использовавшихся в прошлом и, напротив, довольствоваться общеупотребительными и не изобретать бездумно никаких новых речений. 5.) Соблюдение норм ораторской речи, а именно, правил связывания и соединения выражений.

Трактат Доле может рассматриваться как первый документ французской теории перевода, ибо содержит идеи, нашедшие воплощение в переводческой практике последующих столетий.

Тракта же Дю Беллэ «Защита и прославление французского языка» («*Défense et illustration de la langue française*», 1549) Можно назвать антологией аргументов против перевода. Дю Беллэ посвящает этой проблеме четвертую, пятую и шестую главы первой книги своего трактата. В четвертой главе он доказывает, что французский язык не настолько беден, как это принято считать; в пятой главе он утверждает, что переводы отнюдь не содействуют совершенствованию французского языка; в шестой главе он обличает плохих переводчиков, “*vraiment mieux dignes d’être appelés traditeurs que traducteurs*”, ибо они предаёт тех, кого переводят, вводят в заблуждение неосведомленных читателей, поскольку не обладают должным знанием языков, с которых переводят, например, таких, как древнееврейский и греческий. Перевод, по его мнению, не способен содействовать совершенствованию народного языка, и французским авторам следует идти по пути подражания лучшим греческим и латинским писателям.

Однако, интерес, возникший в эту эпоху к грекам и римлянам, не мог не содействовать вкусу к переводам. Переводчики, влюбленные в античных авторов, хотят, чтобы их чувства разделяло как можно большее число читателей. Это стремление порой ведет их по ложному пути. Желая достичь своей цели, они ставят на первое место удовольствие, получаемое не слишком образованными читателями от их переводов. Они приспособливают свои тексты к вкусам эпохи, модернизируя античность. В их переводах античных авторов появляются *prévots, échevins, baillis, gens d’Eglise, religieux, tournois, gendarmerie, etc. Campagne Champagne*. Но при всех недостатках

переводов этого времени, они сыграли огромную роль в распространении научных знаний, ибо на родном языке появляются переводы научных трудов как с классических, так и современных языков. И не менее велика роль переводчиков в развитии и обогащении французского языка. Здесь особая роль принадлежит Жаку Амио (1514-1593), которого по праву называют “*prince des traducteurs*”. Свой переводческий авторитет он заслужил благодаря переводу «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Некоторые исследователи считают, что перевод Плутарха, выполненный Амио, стал впоследствии таким же крупным событием для Франции и французского языка, как лютеровский перевод Библии для Германии и немецкого языка. Перевод Амио выдержал нападки Баше де Мезериака в XVII веке и Поля Луи-Курье – в XIX, и, несмотря на недостатки, свойственные переводчикам той поры, стремившихся угодить вкусам читающей публики, было бы ошибкой представлять Амио апологетом вольного перевода во Франции, связывая его с появлением так называемых «*belles infidèles*»

В XVII-XVIII веках в переводческой практике продолжают соседствовать две тенденции: переводы дословные, стремящиеся как можно более точно передать оригинал, и переводы «исправительные», украшающие, цель коих прежде всего угодить вкусу публики, и доминирует вторая тенденция.

Эдмон Гари в своей работе «Перевод в современном мире (“*La traduction dans le monde moderne*”)) пишет: “*Le Grand Siècle dénaturait résolument les textes étrangers. Ce n’était pas fautes d’adresse dans l’art de*

traduire. Mais c'était l'époque du Sieur de l'Estang qui croyait à « un ordre immuable et éternel » imposé aux traducteurs et cet ordre était français. Sur toute la France s'étendaient les rayons d'une lumière céleste. Elle portait sur les épaules le manteau de la royauté littéraire ... Elle pouvait dire en changeant un mot à l'orgueilleux axiome de Louis XIV « L'Europe c'est moi ». C'était rendre un service à un auteur que de le traduire en français en l'habillant à la française, en réctifiant sa tenue. La France donnait le ton ; comment accepter de se plier aux phantaisies sagrenues des barbouilleurs allemands ou javanais ? La Motte-Houdard n'avait-il pas cru devoir traduire jusqu'à « L'Illiade » en la récrivant telle qu'Homère l'eut écrit de nos jours ? »

В предисловии к своей книге «О Германии» (1813 г.) мадам де Сталь писала: *«Nous n'en sommes pas, j'imagine' à vouloir élever autour de la France la grande muraille de la Chine pour empêcher les idées de dehors d'y pénétrer»*. Цензор потребовал вымарать эту ужасную фразу.

А вот что пишет А.С. Пушкин в статье «О Мильтоне и шатобриановом переводе «Потерянного рая», говоря о вышеупомянутом обычае французских переводчиков и переводе Шатобрианом «Потерянного рая», знаменовавшим новую тенденцию в области перевода во Франции. Позволю себе привести эту цитату:

«Долгое время французы пренебрегали словесностью свои соседей. Уверенные в своем превосходстве над всем человечеством, они ценили славных писателей иностранных относительно меры, как отделились они от французских привычек и правил, установленных французскими критиками.

В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы ни находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу нашему автору, исключив из

его книги места, которые могли бы оскорбить образованный вкус французского читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и перед кем извинял таким образом! И вот к чему ведет невежественная страсть к народности!.. Наконец, критика спохватилась. Стали подозревать, что г. Летурнер мог ошибочно судить о Шекспире и не совсем благоразумно поступил, переправляя на свой лад «Гамлета», «Ромео» и «Лири». От переводчиков стали требовать более верности, а менее щекотливости и усердия к публике, пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде и с их природными недостатками. Даже мнение, утвержденное веками и принятое всеми, что переводчик должен стараться передавать дух, а не букву, нашло противников и искусные опровержения.

Ныне (пример неслыханный!) первый из французских писателей переводит Мильтона *слово в слово* и объявляет, что подстрочный перевод был бы верхом его искусства, если бы только он был возможен! Таковое смирение во французском писателе, первом мастере своего дела, должно было сильно изумить поборников исправительных переводов и, вероятно, будет иметь большое влияние на словесность».

И хотя подстрочный перевод никогда не может быть верен, были и другие примеры дословного перевода. Здесь уместно будет вспомнить о переводе «Илиады» Леконта де Лилля, который, прибегая к дословному переводу, стремился передать суровый и героический характер поэзии Гомера. И это объясняется не только эстетическими, но и социальными причинами: на смену человеку теологического и монархического общества пришел исторический человек общества буржуазного, для которого различия между человеком эпохи Гомера и нынешним являются орудием в борьбе за утверждение нового общественного уклада. А потому исправительные переводы, «*les belles infidèles*», стирающие различия между эпохами, стали невозможны. Ж.Белланже, завершая свою «Историю перевода во Франции», делает следующий вывод: «*La traduction a suivi en France une marche à peu près parallèle à celle de la société elle-même. Chacune*

des transformations successives de l'art de traduire correspond à une modification plus ou moins profonde soit de l'état des esprits, Soit des moeurs, soit des gouts littéraires de la nation. Empanaché sous Louis XIV, philosophique au temps de l'Encyclopédie, théâtral et poncif sous l'Empire, nous l'avons vu aboutir de nos jours au réalisme scientifique qui est la note dominante de ce siècle ».